

5
Генрих НЕЙГАУЗ

Зрелость

Имя Эмиля Гилельса стало широко известным, когда он шестнадцатилетним юношей оказался победителем на первом Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в 1933 году.

Все, слышавшие его тогда, поняли сразу, что перед ними совершенно исключительное виртуозное дарование. Сила, блеск, темперамент, здоровая, хотя и примитивная еще музыкальность его исполнения, стихийная напористость ритма, мощность и теплота звука не могли не поразить каждого. Но, по существу, дарование его было тогда лишь драгоценным материалом, некоей художественной потенцией, которой еще предстояло переволлотиться в мастерство.

Одно дело — иметь прекрасный голос и природную музыкальность, другое дело — быть художником пения, артистом вокального искусства. Но второе невозможно без первого.

Двенадцать лет, протекшие со времени завоевания Гилельсом премии на конкурсе в Москве, принесли ему новые удачи. Он получил 2-ю премию на международном конкурсе в Вене и 1-ю — на чрезвычайно трудном и ответственном конкурсе в Брюсселе. Известность и слава дались ему без особого труда.

Путь рано прогремевшего исполнителя имеет свои опасности. В лучах славы, как известно, особенно пышно цветет настоящее дарование, но только если не перегреть его этими лучами.

Молодого артиста, достигшего ранней известности, много теребят, не дают ему покоя, он все время на виду, ему редко удается создать себе ту лабораторную обстановку, которая необходима художникам едва ли не меньше, чем ученым. Особенно она нужна в юности, в период накопления умения и знаний, когда так важны длительная целеустремленность, дальний прицел в работе, упорство, спокойствие, плановость и дисциплина, короче говоря, — все, что мы разумеем под словом «школа».

Надо прямо сказать, что Гилельс получил в детстве очень хорошее фортепианно-виртуозное и далеко не равноценное ему музыкально-художественное и культурное воспитание. Если бы фортепианная музыка состояла только из так называемых «виртуозных» сочинений (примерно типа знаменитого каприччио Дохнави или даже несравненной «Кампанеллы» Листа), то исключительное и одностороннее увлечение «виртуозностью» было бы оправдано. Но, к счастью, фортепианная музыка так бесконечно богата, разнообразна и всеобъемлюща, что можно смело сказать: нет той душевной глубины, нет той духовной высоты, нет той вершинны мысли и чувства, которые не были бы до конца и без остатка выражены и воплощены в ней. Выводы отсюда ясны...

Ранняя известность и связанная с ней постоянная исполнительская деятельность, бесконечное количество выступлений в крупных и малых концертах, в которых «обгрыбались» главным образом одни и те же вещи, не позволяли Гилельсу полностью наверстать упущенное в

детстве и ранней юности. Круг его знаний, навыков и интересов не охватывал еще всего, чем должен овладеть высокоталантливый пианист и музыкант в эти годы. Но последние 5—6 лет окончательно показали, что Гилельс — не только первоклассный «виртуоз» в узком смысле слова, но и настоящий музыкант-художник.

Он много работал, репертуар его расширился и обогатился — наряду с произведениями классиков и романтиков современной русской и французской школы, все чаще стали звучать в его концертах сочинения советских авторов: Прокофьева, Хачатуряна, Ю. Крейна и других.

Особенно знаменательным за последнее время было исполнение Гилельсом токкаты, 7-й и 8-й сонат Прокофьева, «Петрушки» Стравинского, сонаты и (совместно с артистами квартета ГАБТ) квинтета М. Вайнберга.

Отрадно, что молодой пианист играет не только всем известные произведения и что целью его деятельности является не только легкий успех, но и настойчивая пропаганда трудных и вначале мало доступных превосходных созданий нашей современности. Задача эта столь же трудная и ответственная (достаточно вспомнить сложность содержания и фактуры впервые исполненной Гилельсом 8-й сонаты Прокофьева), сколь почетная, и молодой музыкант блестяще разрешает ее. Тут уж «просто пианист» перерастает в музыкального деятеля.

Теперь можно уже говорить о стиле Гилельса, а ведь «стиль — это человек», как гласит старый афоризм.

Исполнение Гилельса мужественно, ему доступны монументальность и большой под'ем, оно насыщено волей и темпераментом — не показным темпераментом гистриона, желающего во что бы то ни стало увлечь и изумить публику, но той настоящей горячностью, которая свойственна страстному художнику.

Весь блеск его техники, легкость и быстрота его пассажей, стремительность и бравура его аккордов были бы не более чем «кимвал бряцающий» — без глубокого проникновения в идею и чувство произведения. Ритм его, упругий, крепкий, простой и ясный, одинаково чужд и меланхолической расслабленности и нервной издерганности.

Надо отметить, что наряду с овладением современной фортепианной литературой Гилельс устремляется и «в глубь времен»: в последнем своем концерте в Большом зале консерватории он исполнил 6 прелюдий и фуг Баха из «Хорошо темперированного клавира» — поступок, на который отважится не всякий молодой исполнитель.

Путь Гилельса еще только начинается (ему 28 лет). Направленность его работы, масштаб дарования и, главное, все растущее сознание ответственности перед музыкальным искусством советской родины позволяют высказать уверенность, что молодой мастер не перестанет совершенствоваться, что он сможет развить и использовать до конца свое богатейшее дарование.